

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81–112.2

П. В. Чесноков

Картина мира в языке и речи

В статье рассматриваются семантические расхождения между языками, устанавливаемые на основе анализа конкретного лексического, словообразовательного и грамматического материала, что дает основания для выделения статической и динамической языковых картин мира.

Ключевые слова: статическая картина мира, динамическая картина мира, процесс познания, лексические соответствия, словообразование, грамматические формы, семантические расхождения, категория вида, понятие, субъективные свойства языка, периферийные участки в языковой картине мира.

P. V. Chesnokov

View of the World in Language and Speech

This article deals with semantic differences between languages that can be determined in the analysis of the particular lexical, word-formative and grammatical material that gives grounds for separating static and dynamic views of the world.

Keywords: a static view of the world, a dynamic view of the world, a cognitive process, lexical correspondences, word-formation, grammatical forms, semantic divergences, a category of an aspect, a notion, subjective language qualities, peripheral areas in the linguistic view of the world.

Невозможно не согласиться с тем, что язык играет выдающуюся роль в процессе познания, но роль эта иногда интерпретируется неверно.

Сравнение семантических систем языков позволяет сделать вывод о частом несоответствии значения лексем и грамматических форм в них, а иногда и об отсутствии этих соответствий. Например, русскому слову *утро*, которое отражает в своем лексическом значении период перехода от темного времени к светлому, во французском языке соответствует слово *matin*, обозначающее отрезок времени от 12 часов ночи до 12 часов дня, следовательно, другой период времени (к тому же постоянный, а не смещающийся в зависимости от времени года). Период, равный в русском языке суткам (полный период вращения земли вокруг своей оси) не имеет соответствий ни в романских, ни в германских языках. В них есть лишь слова, обозначающие части этого периода. Например, в немецком языке *Tag* – день, *Nacht* – ночь, *Abend* – вечер, *Morgen* – утро.

Русским словам *теща* и *свекровь*, близким, но все же различающимся по значению, в германских

и романских языках соответствует лишь одно слово с единой семантикой: в немецком языке *Schwiegermutter*, в английском – *mother-in-law*, во французском – *belle-mere*.

Подобные наблюдения типичны и при сравнении русского языка с енисейскими языками. Русские слова *дядя* и *тетя* находят соответствие в югском слове *хой*, в кетском *кой*, русские *брат* и *сестра* – в югском *бисеп*, кетском *бис'эн*, русские *мясо* и *рыба* – в югском *и'с*, в кетском *и'с'* [3, с. 140, 151, 162].

Семантические несоответствия характерны для немецкого и русского языков. Глаголу *kommen* соответствует глагол *приходить*, однако русский глагол обладает более узким значением, обозначая процесс прибытия живого существа (человека или животного) к определенному месту лишь с помощью ходьбы (пешком). Немецкий же глагол способен выражать понятие о любом способе достижения (живым существом) определенного места, соответствуя парадигме глаголов *прибежать*, *приехать*, *приплыть* и др. С другой стороны, русскому глаголу *идти* в немецком языке соответст-

вует глагол *gehen*, имеющий более узкое значение – передвигаться с помощью ног. Русский же глагол *идти* обозначает передвижение в пространстве и иными способами – передвигаться с помощью колес (*трамвай идет*), механическим способом по воде (*пароход идет*) и проч. Во всех этих случаях в немецком языке употребляется глагол *fahren* (*ехать*). Глаголу *раздеваться* в немецком языке адекватен глагол *sich ausziehen*, однако русский глагол шире по содержанию: он может иметь не только значение *снимать с себя всю одежду* подобно немецкому глаголу, но и значение *снимать часть одежды* (например, только верхнюю зимнюю одежду).

Характерны семантические несоответствия между различными языками в сфере обозначения цветов. В солнечном спектре русские выделяют семь цветов, немцы, англичане и французы – только шесть, называя синий и голубой одним словом (*blau* по-немецки, *blue* по-английски, *bleu* по-французски). При этом лексическое значение слова остается неизменным и при наименовании голубого цвета, и при наименовании собственно синего. «Бретонцы и галлы обозначают одним словом *glas* участок спектра, примерно соответствующий синему и зеленому цветам француза» [6, с. 375]. А в языке одного из негритянских народов, живущих в Либерии, все цвета радуги обозначаются только двумя словами: одно означает цвета, которые художники называют *теплыми* (красный, оранжевый, желтый), другое – *холодные* цвета (голубой, фиолетовый и др.) [2, с. 45].

В эскимосском языке, в отличие от индоевропейских языков, отсутствует слово для выражения общего понятия *снег*, вместо него имеется целый ряд слов со значениями разновидностей снега: *падающий снег*; *снег, лежащий на земле*; *снег, плотно слежавшийся, как лед*; *талый снег*; *снег, несомый ветром* и т. п. [8, с. 178]. То же самое наблюдается и в языках других народов Крайнего Севера, для которых практически важным оказывается выделение различных видов снега. Для вьетнамского языка характерно наличие тринадцати названий бамбука при одном лишь названии в русском языке [7, с. 38].

Однако на эту картину под влиянием конкретных языков могут наслаиваться дополнительные ассоциации, не отражающие связей объективной действительности и порождаемые тем фактом, что одни и те же материальные единицы языка могут воспроизводить понятия о различных явлениях действительности, то есть быть омонимичными и многозначными. Выраженность различных фактов

объективного мира одинаковыми материальными единицами языка создает иллюзию их тождества. Так, в русском языке глагольный звуковой комплекс *открыть* (*открывать*) обозначает и факт географического или научного открытия, и факт открытия какого-либо заведения (например, магазина или библиотеки), хотя в действительности эти факты являются различными. В немецком языке глагольный звуковой комплекс *riechen* имеет значения *пахнуть* и *нюхать*, отражающие разные, хотя и взаимосвязанные процессы.

Важную роль в формировании картины мира играет словообразование [5, с. 141–172]. В силу различия словообразовательных связей взаимно соответствующих друг другу слов разных языков в них могут отражаться (или, по крайней мере, акцентироваться) и разные объективные отношения. Так, в русском слове *тонка* (название части печи) отображается отношение части печного устройства к процессу разжигания, в соответствующем немецком *Feuerraum* – к результату этого процесса (огню). В русском устойчивом словосочетании *носовой платок*, функционально равном слову, раскрывается отношение платка к обслуживаемому им предмету (носу), в соответствующем немецком *Taschentuch* – отношение платка к его постоянному местонахождению (карману). Бывает и так, что средствами одного языка предмет выделяется по его собственным признакам, а средствами другого языка – по его отношению к другому предмету, для обслуживания которого он предназначен. Ср. русские *полотенце* и *скатерть* с соответствующими немецкими образованиями *Handtuch* и *Tischtuch* (в первом из них отражается предназначенность для рук, во втором – для стола).

Семантические расхождения между языками имеют место и в сфере грамматики. Например, в русском языке существенную роль играет категория глагольного вида, отражающая характер протекания процесса в отношении к его внутреннему пределу. Действие, в частности, может быть ограничено во времени в любой фазе его реализации (начальной, конечной) при использовании формы совершенного вида – *запел, допел*. В формах несовершенного вида такое ограничение отсутствует – *запевал, доневал*. В русском языке можно указать на ограниченность действия в его начальной фазе посредством глагола совершенного вида: *Он молчал, молчал и вдруг заговорил*. Во многих же языках категория вида отсутствует. В немецком и английском языках начало процесса говорения не имеет соответствий в глагольных формах, поэтому

в них с помощью морфологических форм невозможно передать отмеченные выше различия между значениями совершенного и несовершенного вида русских глаголов, то есть указать на ограниченность или неограниченность протекания их действий во времени.

В индоевропейских языках количественные числительные и форма множественного числа существительных употребляются как при отображении сосуществующих предметов или предметов, которые могут быть представлены в виде сосуществующих (*пять деревьев, деревья; двадцать человек, люди*), так и в случае отражения цикличности, то есть последовательного ряда регулярно повторяющихся событий, например отрезков времени (*пять дней, дни*), или действий определенного характера (*десять шагов, шаги; шесть ударов, удары*). Это свидетельствует о единообразном осмыслении количественных отношений в обоих случаях. В индейском же языке хопи количественные числительные и множественное число используются только при обозначении предметов, способных к совместному существованию, которые можно представить в виде целой группы (*множество деревьев, людей, животных, камней и т. п.*). Для выражения количественных отношений в последовательном ряду повторяющихся событий употребляются порядковые числительные, при этом количественная характеристика (указание на порядковое место в ряду) касается лишь последнего компонента [8, с. 178] этого ряда. Вместо того чтобы сказать «Они пробыли десять дней», говорят «Они пробыли до одиннадцатого дня» или «Они уехали после десятого дня»; вместо «Десять дней больше, чем девять дней» говорят «Десятый день позже девятого». Следовательно, на базе языка хопи количественные отношения в последовательном ряду повторяющихся событий и количественные отношения в группе совместно существующих (или представляемых в виде целой группы) предметов мыслятся неодинаково.

Многочисленные случаи семантических расхождений между языками детально описаны в трудах представителей неогумбольдтианского языкознания. Л. Вайсгербер обнаруживает такие расхождения не только между разными языками, но и между разными историческими этапами в развитии одного языка. Так, слово *Tier*, выражающее в современном немецком языке общее понятие о животном, в средневерхненемецкий период обозначало только четвероногих диких зверей (в противоположность *Vihe* – домашние животные) при отсутствии слова, воспроизводя-

щего общее понятие о животном. С другой стороны, слова *Vogel* (птица) и *Wurm* (червь) в средневерхненемецкий период имели более широкое значение, чем в современном немецком языке. *Vogel* выражало понятие о любом летающем существе (*птицы, пчелы, бабочки, мухи* и т. п.); *Wurm* – о всяком ползающем животном (*черви, змеи, гусеницы, пауки, драконы* и т. п.). При этом в языке отсутствовали слова со значениями *птица, червь*. Вся картина животного мира представлялась в средневерхненемецком языке иначе, чем в современном немецком языке [11, с. 39].

«Язык является постольку силой духовного образования, – утверждает Л. Вайсгербер, – поскольку он из предпосылок реального мира и человеческого духа образует мыслительный промежуточный мир, в духовной “действительности” которого сознательное человеческое действие. Здесь мы имеем дело с тем “преобразованием” реального мира в “собственность духа”, в котором со времен Гумбольдта видят единственное основание для существования языка и результаты которого получают выражение в мировоззрении конкретного языка» [11, с. 7–8].

Представители неогумбольдтианства (Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б. Уорф и др.) вслед за В. Гумбольдтом, основываясь на наличии значительных семантических различий между языками, делают вывод о том, что язык определяет мышление человека и процесс познания в целом, а через него мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании. Из этого следует, что люди, говорящие на разных языках, познают мир по-разному, создавая различные картины мира. При этом неогумбольдтианцы утверждают, что различие картин мира обусловлено субъективным произволом языков и не связано с объективной реальностью [4, с. 80; 9, с. 255–281; 11, с. 7–8, 39].

Критически оценивая взгляды неогумбольдтианцев (См. обстоятельный критический анализ неогумбольдтианства в работах: Панфилов В. З. Язык, мышление, культура // Вопросы языкознания. – 1975. – № 1. – С. 3–12; Он же. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982. – С. 18–46; Чесноков П. В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. – М., 1977. – С. 7–62) на роль языка в формировании картины мира, в первую очередь следует подчеркнуть, что семантические расхождения между языками обусловлены не внутренними субъективными свойствами конкретных языков, а бесконечным богатством и разнообразием самой объективной действи-

тельности, наличием огромного количества свойств и отношений у каждого предмета и явления, благодаря чему предметы и явления в самом объективном мире одновременно по-разному объединяются в классы, входя по одним признакам в одни группировки, а по другим – в другие. Но всякий раз предметы включаются в определенный класс по их действительным признакам, а не в силу субъективного произвола человеческого сознания.

Под влиянием различных условий жизни носителей языков одни языки могут отображать одни факты, а другие языки – другие факты. Обычно в одних языках отражаются более общие (широкие) классы вещей. Это немецкое существительное *Schwiegermutter*, охватывающее и матерей всех мужей, и матерей всех жен, кетское *бис`эн*, объединяющее всех детей одних родителей (независимо от пола), югское *и`с*, называющее любую скоромную пищу, русский глагол *идти*, отражающий передвижение любым способом. В других языках отражаются более узкие классы в рамках более широких. Например, русское существительное *теща* охватывает матерей только жен, а *свекровь* – матерей только мужей; существительное *брат* называет детей одних родителей мужского пола, а *сестра* – детей одних родителей женского пола; немецкий глагол *gehen* отображает передвижение лишь с помощью ног. В одних языках часто могут отображаться только целые предметы и явления (например, в немецком существительном *Schurrbart* и немецком прилагательном *blau*), а в других – только части предметов и явлений (например, в русском существительном *ус* и в русских прилагательных *синий* и *голубой*).

Мотивация семантических расхождений между языками, опровергая положение о субъективном произволе языков как причине семантических различий между языками, не устраняет, однако, самого факта этих различий.

Односторонний подход неогумбольдтианцев к языку, заключающийся в рассмотрении лишь той картины мира, которая отражена в сложившейся, относительно неподвижной системе языка, делает их учение о языковой картине мира несостоятельным.

Критически оценивая принцип лингвистической относительности, Г. А. Брутян противопоставляет ему принцип лингвистической дополненности, подчеркивая, что «языковая картина мира <...> в целом и главном совпадает с логическим отражением в сознании людей. Но при этом сохраняются периферийные участки в языковой

картине мира, которые остаются за пределами логического отражения, и в качестве словесных образов вещей и лингвистических моделей отношения между ними варьируются от языка к языку в зависимости от специфических особенностей последних» [1, с. 227–228].

Картины мира, отраженные в системах разных языков, могут действительно различаться в силу различия самих языковых систем. Но какой бы развитой и совершенной ни была система того или иного языка, закрепленные в ней средства не в состоянии удовлетворить потребности вечно развивающегося и усложняющегося процесса общения и познания, тем более что в ней в силу ее статичности отражаются многие устаревшие знания о мире. Таким образом, реально существуют две языковые картины мира: статическая, воплощенная в системе языка, то есть в лексике и грамматике конкретного языка, и динамическая, связанная с функционированием языка, то есть с его синтаксисом, использованием средств, заключенных в относительно неподвижной системе языка, в процессе живой коммуникации. Именно живое общение создает условия для безграничного комбинирования языковых средств различных уровней, в результате чего возникают образования, отсутствующие в языковой системе. Они и компенсируют средства, недостающие в той или иной системе языка, которые снимают (ликвидируют, устраняют) семантические различия (расхождения) между языками, обеспечивая взаимопонимание носителей разных языков, возможность адекватных переводов с одного языка на другой, успешность контактов и взаимообогащения различных языковых культур. Разумеется, необходимо изучать семантические различия между языками. Именно для того, чтобы уметь их преодолевать, чтобы вырабатывать методы их преодоления.

Формирование динамической языковой картины мира в процессе живого общения между людьми дает возможность выявить различия в семантике сопоставляемых слов и грамматических форм разных языков. Именно благодаря раскрытию значений слов и грамматических форм одного языка с помощью динамических средств другого языка при отсутствии полной идентичности значений слов и грамматических форм в закрепленных системах различных языков обеспечивается взаимопонимание носителей разных языков [10, с. 159–174]. Точное значение немецкого глагола *kommen* легко раскрывается с помощью русского словосочетания *достигать определенно-го места любыми средствами*, а значение русско-

го глагола *приходить* с помощью словосочетания на немецком языке *достигать определенного места, двигаясь пешком*. Значение русского глагола *идти* выражается по-немецки словосочетанием *передвигаться по горизонтальной поверхности любым способом*, а значение немецкого глагола *gehen* – словосочетанием *передвигаться только с помощью ног* в русском языке. Значение русского прилагательного *голубой* по-немецки передается сложным словом *hellblau*, а значение немецкого прилагательного *blau* русским словосочетанием *общая семантика слов синий и голубой*. Значение русских слов *теща* и *свекровь* выявляется в немецком, английском и французском языках с помощью словосочетаний *мать жены и мать мужа*, а семантика немецких, английских и французских слов *Schwiegermutter, mother-in-law, belle-mère* с помощью словосочетания *общее понятие о теще и свекрови*.

В немецком и английском языках, как было отмечено, отсутствует категория глагольного вида и значение начала действия, связанное с категорией совершенного вида русского глагола. Таким образом, аспектуальные значения, не имеющие морфологических средств выражения в этих языках, передаются лексически, благодаря сочетанию инфинитива любого глагола с глаголом *начинать* в любой форме. *Заговорил* означает *начал говорить* (по-немецки *begann zu sprechen*, по-английски *begin to speak*).

Понятно, что динамическая языковая картина мира, позволяя преодолеть ограничения, порождаемые статической языковой картиной мира, остается неопределенной, различной у разных представителей одной нации, в сущности интернациональной, для нации в целом нехарактерной, неустойчивой. Хотя существительные *свекровь* и *теща* могут быть поняты благодаря динамической языковой картине мира немцами, англичанами и французами, пользоваться в повседневном общении словосочетаниями для их выражения нетипично для представителей этих национальностей, как и описательным способом выражения для передачи других понятий, не закрепленных в системах немецкого, английского и французского языков. Массовым и типичным для представителей каждой нации является использование тех средств языка, которые закреплены в соответствующей языковой системе, поэтому именно эти средства соответствуют национальному менталитету, они, собственно говоря, и составляют языковой аспект национального менталитета.

Динамическая картина мира в принципе совпадает с концептуальной (логической) картиной (моделью) мира и зависит не от специфики того или иного языка, а от уровня развития и конкретных интересов познающего. Она является лишь частью всеобщей картины мира, но частью ведущей, определяющей, без которой невозможно подлинное понимание (осмысление) событий, происходящих в мире, ибо понимание (осмысление) возможно только при рассмотрении объективных фактов в свете общих категорий и закономерностей, то есть при их логических оценках, что не осуществимо без помощи языка. Карты, схемы, произведения изобразительного искусства ценны лишь постольку, поскольку дают толчок протекающим на базе языка размышлениям по поводу их образного содержания.

Библиографический список

1. Брутян, Г. А. Очерки по анализу философского знания [Текст] / Г. А. Брутян. – Ереван, 1979. – 228 с.
2. Васильев, С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности [Текст] / С. А. Васильев. – Киев, 1974. – 120 с.
3. Вернер, Г. К. Акцентированные сравнительные словарные материалы по современным енисейским диалектам [Текст] / Г. К. Вернер // Языки и топонимия. – Вып. 4. – Томск, 1977. – С. 131–195.
4. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [Текст] / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 34–298.
5. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.
6. Мартине, А. Основы общей лингвистики [Текст] / А. Мартине // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М., 1963. – С. 345–566.
7. Панфилов, В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания [Текст] / В. З. Панфилов. – М., 1982. – 357 с.
8. Уорф, Б. Л. Наука и языкознание [Текст] / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 169–182.
9. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б. Л. Уорф // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях: в 2 ч. Ч. 2. – М., 1965. – С. 255–281.
10. Чесноков, П. В. Спорные проблемы курса «Общее языкознание» [Текст] / П. В. Чесноков. – Таганрог, 1996. – 176 с.
11. Weisgerber L. Vom Weltbild der deutschen Sprache / L. Weisgerber. – Dusseldorf, 1950. – S. 450.